

Май Сарт

Беличье гнездо

16+

Май Сарт

Беличье гнездо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66391586

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь – интересная штука, особенно, когда ты способен из всего, даже не самого приятного, извлекать очередной веселый рассказ.

Май Сарт

Беличье гнездо

В конце января я вернулась в Москву. Из сумки, которую я оставляла в съемной квартире до своего возвращения, пропал зонт, эпилятор, домашняя одежда, косметика и еще некоторые вещи. Это Юля. Я знаю. Хозяйка той самой квартиры, в которой я прожила ровно месяц. Её длинные невымытые черные волосы всегда собирались в тугий хвост, огромные темно-зеленые глаза на бледном лице хитро сверкали, когда она спрашивала:

– Тебе хоть нормально там платят?

– Да, – отвечала я, – зная, что ей очень любопытно, где у меня это «там», и сколько это «нормально» мне платят.

Но после моего несодержательного ответа, ее лицо расплывалось в наигранной улыбке, обнажая пожелтевшие, гниющие, косые зубы. Жаль, что в моей сумке не хранятся зубы. Я бы порадовалась, что они достались именно Юле.

Ее дети то и дело неслись по квартире как угорелые, плескались часами в ванной, показывали мне свои шмотки, рюкзаки и прочую фигню.

– Смотрите, что мне купила мама, – одна из них мне показывает какой-нибудь кошелек в блестках.

– Вика, мама тебе его купила еще в прошлом году, – кричит вторая, в ужасе, что ее сестра привлекла к себе большее

внимание.

Меня же бесили их детские голоса, демонстративность, и я пряталась от них по разным углам, выжидая, когда же все уснут. Удавалось не всегда. И тогда, они поочередно прыгали передо мной и здоровались, причем по нескольку раз. Я же строила из себя добрую тетю и улыбалась им, как будто бы меня это всё дико умиляет. А про себя представляла этих милых малышей с кляпом во рту и желательно где-нибудь в шкафу. Потом я с деловым видом прижимаю к уху давно разряженный наушник, и иду к себе выжидать дальше.

Юля каждый день что-нибудь готовила, жарила, варила, пекла, а потом быстро, словно белка, уносила «заготовки» к себе в комнату, закрывая обоими руками. Почти каждое утро я наблюдала в окно ту же самую картину. Белка мчится по веткам, что-то пряча в своих лапках, а потом «юрк», и нет её. Мне иногда хотелось неожиданно выйти навстречу Юле и издать какой-нибудь звук, типа: «бу», или сделать вид, что я хочу выхватить ее «заготовку». Уверена, вышло бы смешно.

– У каждого должна быть своя туалетная бумага, – сказала Юля, когда я впервые пришла смотреть комнату.

– Окей, куплю, сейчас же схожу, – согласилась я. – Туалетная бумага всему голова.

– Ты купи. А то Маша пользуется нашей. Я слежу и замечаю, что туалетная бумага заканчивается шибко быстро.

У Юли были некоторые слова-диалекты в речи. «Шибко» было одним из таких. А вместо «сходить в магазин», она все-

гда говорила «сходить до магазину».

– А еще, тебе нужно будет купить отдельную швабру, тряпку...

«Юрк». В тот день я впервые увидела белку за окном. Она так быстро перебегала с ветки на ветку, что только хвост и «сверкал». Огромный, словно приклеенный. Это было самое начало весны. Еще холодно. Возможно поэтому белка была серой, а не рыжей, какими я привыкла их видеть в книгах.

– Да, белок в нашем районе много, – Юля заметила, что я уставилась в окно. – Тут неподалеку серебряный бор. Летом очень красиво, хорошо, просторно, есть река. Можешь с нами ходить купаться, если хочешь.

– О, спасибо! – оценила я широту Юлиной души, так контрастирующей с историями про туалетную бумагу. Вот это человечие!

– Ну так вот, – продолжала Юля знакомить меня с условиями проживания в их квартире, – купишь себе швабру, тряпку, губку на кухню, мыло в ванную. У нас всё свое. Всё. – последнюю фразу она повторила несколько раз и особенно подчеркнуто.

Зато купаться с ними летом можно будет ходить. Человечие. Отметила я про себя, а в слух коротко согласилась:

– Куплю.

– Никто чужого не берет. Можешь смело оставлять свои вещи. Мы тут все воспитанные люди. Живем тихо, друг другу не мешаем... А туалетную бумагу всё же купи.

– Сейчас сбегая, – говорю, – может, и вам надо купить? Ну, заодно? Мало ли, у вас закончилась, может?

«Юрк». Белка ловко, одним резким прыжком оказывается на самой дальней ветке. Я наблюдаю. Белка тоже. Только я наблюдаю за ней, а она... Через мгновение белка соскакивает с дупла, что-то подбирает с асфальта и быстрее прежнего сбегает по веткам куда-то в сторону. Затем, на том самом месте, где только что пробежала белка, показывается огромная, серая птица. Приземлившись, она внимательно изучает асфальт, убеждается, что там ничего нет, и, разочарованно, летит прочь. Там, судя по всему её должен был ожидать разбитый орех, который она силой сбросила вниз. Его-то и украла юркая, серая, противная белка.

Я – та птица, которая не обнаружила свой «орех» на том месте, где он должен был законно находиться, а Юля – юркая, серая, противная белка, обкрадывающая «добытчика».

– Мусор выносим по очереди, – услышала я голос Юли за спиной вместо приветствия, в том момент, когда я распаковывала свой чемодан.

– В шкафу нет вешалок, – растерялась я.

– Мы уже устали покупать вешалки, – разводит руками Юля. – заселяется очередная девушка, а когда выселяется – забирает с собой все вешалки, сушилку...

– А, так у вас еще и сушилки нет? – откровенно, хоть и немного наигранно, офигеваю я.

– У нас есть, а у тебя в комнате нет. Придется покупать.

Мы устали, говорю ведь. Крадут всё. Уносят, как свое.

Я неожиданно вспоминаю определение из курса психологии и это меня веселит, и это уносит меня в раздумья. «Проекция». Как ни странно, но люди склонны приписывать свои негативные качества окружающим, и громко винить Машу, Петю, Ваню, Сашу и остальных в зависти, ревности, злости, алчности, воровстве. Я улыбаюсь и слышу свой следующий вопрос.

– А утюг, а пылесос? – мне уже нравится перечислять все предметы быта, какие я только знаю, видеть возмущенное лицо Юли, и слышать ее не менее возмущенные ответы. Меня ждал успех.

– Утюг слабый, но, если перевязать изолентой, будет работать. У пылесоса нет трубы, медленно, но сосет, – отвечает с невозмутимостью срущего кота, Юля.

На этот раз мне с трудом, но всё же удается сдержать смех, и я продолжаю.

– Скажите, а унитаз работает исправно? – меня уже не остановить.

– Хм, знаете, вода медленно набирается, но в ближайшие дни муж исправит.

Через несколько дней моего проживания в «беличьем» гнезде, я обнаружила еще один забавный факт. Их было, конечно, не счесть, но этот особенно мной любимый. Как-то утром я захожу попить воды в кухню, и вижу, что нет мусорного ведра, вернее, пакета, который Юля хранила, как

все доморощенные хозяйки, под раковиной. Я поперхнулась водой. Ну, конечно, Юля решила, что и мусорный пакет у всех должен быть свой, а потому унесла всю «грязь» к себе в комнату. Странно, что она этого не сказала в самом начале, где-то между фразой о собственной туалетной бумаге и собственной швабре.

«Юрк». Я впервые вижу, куда белка убегает в конце всех своих перебежек, бесконечных путешествий, бесцеремонного воровства. Это самое крайнее, невзрачное дерево, в котором белка прогрызла себе аккуратное, почти незаметное «гнездо». Но думаю, даже она туда не тащит мусор с деревьев.

Спустя месяц, я наконец, съехала из «беличьего гнезда». Мне пришлось возвращаться домой. Юля предложила оставить сумку с вещами у нее, чтобы «не тащить». Я очень обрадовалась. «Тащить» было и правда лень. К тому же авиация устанавливает свои строгие ограничения. Тем более, что дома у меня всё есть. Но меня радовала мысль, что, когда я вернусь в Москву, мне ничего не придется покупать. И тут у меня всё есть. Всё мое дожидается меня в моей сумке.

Правда, Юля мне периодически писала, каждый раз исправно интересуясь, может ли она отдать мои вещи в церковь... Правда. Каждый раз она почему-то переспрашивала, можно ли передать мои вещи, которые остались у нее на хранение, в церковь. Я отвечала, что мой близкий друг может забрать сумку, в которой находятся, все-таки, мои вещи, и,

конечно же, мне они нужны.

Я не тварь. И не то чтобы я не хочу помогать нуждающимся, и делать добро людям, но я, например, хочу гладкие ноги. Или стоять под своим зонтом в ливень. Я не стану звонить, или писать Юле, чтобы она вернула мои вещи. В конце концов это всего лишь вещи. Будут новые. Еще, мне стыдно. За нее. А еще, у меня нет ее номера телефона. Я его давно удалила. Я люблю удалять номера, выбрасывать вещи, избавляться от всего лишнего. А даже если бы у меня был ее номер? Что бы я ей сказала? Эм, слушай, ты тут кое-что из моих вещей украла, но я уверена, что ты не хотела, ты случайно... Я бы могла к тебе забежать, забрать их, а? Я не умею говорить людям такое. Например, вчера мы гуляли по центру со знакомой, и она доказывала мне, что дом на Котельнической набережной – Кремль. Мы стояли у китай-городской стены и смотрели снизу вверх. И я согласилась.

И, ладно, пока кое-кто в церкви ходит с гладкими ногами укрываясь под моим зонтом, я скажу, что все же я очень люблю всех этих ребят. За неприятные переживания. За опыт. За знания. За то, что все они остались в прошлом.